

УДК 321.02
ББК 66.052

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОНСЕРВАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К.А. Лотарев

В настоящее время консерватизм становится востребованной идеологией. Но консерватизм шире идеологии и является более мировоззрением, политической философией. Теоретические и идеологические формы консерватизма приобретает в условиях социальных потрясений и революций. Вероятно, после времени социализма в нашей стране, консерватизм ждал своего часа. И этот час пришел во время апробации идей и ценностей западного либерализма в России 90-х гг. прошлого века, осуществляемой неумело и некритически.

Ключевые слова: консерватизм, идеология, мировоззрение, радикализм, идентификация, революция, традиции и устои.

В политической науке еще остаются теоретические вопросы, занимающие особое место. В данной статье, представляющей первую часть исследования, будет предпринята попытка показать, как в научной периодической печати 90-х гг. XX в. – времени радикальной трансформации страны, начались политологические исследования феномена консерватизма. Формат статьи не позволяет проанализировать весь массив литературы (в 90-е гг. еще не большой. См. подробнее [7, с. 4–7]), поэтому ограничимся теми публикациями, в которых были затронуты базовые аспекты исследования консерватизма. В социальных науках «консервативный бум» начался в конце 90-х гг. XX в. и продолжается в настоящее время. Исследователи поставили ряд новых проблем – политических, социальных и философских.

Длительное господство в отечественных социальных науках марксистско-ленинской методологии предопределило исследование государственного и социального развития с известной стороны, догматизируя и упрощая все многообразие и переплетение форм реальной действительности. О тотальности влияния этой методологии написано в науке немало. Верно

было отмечено: «Исходя из основных постулатов этого учения, касающихся общих закономерностей развития исторического процесса, проблем революций и эволюции, осмысления общества как организма или механизма, мы определяли место и степень научности и прогрессивности того или иного идейно-теоретического течения. ...Все, что было левее или правее марксизма, рассматривалось как ненаучное. Либерализм оценивался как громадный шаг вперед по отношению к консерватизму, который в марксизме предстал в виде реакционного идейного течения, обращенного в прошлое» [8, с. 114]. В свое время революционер Ю. Каменев дал крайне одиозное представление о либерализме и консерватизме. Он писал, что либеральный строй – суть буржуазный, а свобода буржуа есть его свобода эксплуатировать трудящихся, с другой стороны, дворяне, чиновники и духовенство – консерваторы, поскольку сохраняют все, что мешает развитию. Консерватор, по Каменеву, делает все, чтобы «тело народа потопить в крови, а душу – во мраке» [5, с. 20–21, 23–25]. Эта крайне спекулятивная идеологическая оценка предопределила большой интерес в отечественном общественном сознании советского времени к революционным движениям. Философия консерватизма в принципе отвергает возможность позитивного преобразования общественных отношений и государственных институтов революционным

насилием. В политической деятельности консерваторы в зависимости от конкретной ситуации используют разнообразные методы в достижении своих целей. Причиной тому является деятельность других политических сил, которые во время обострения кризисных тенденций так же стремятся к утверждению своих интересов.

Проблема соотношения революции и эволюции наиболее остро стоит перед российской политической наукой и политической практикой. Исследователи, разрабатывая типологию политических сил, разграничивают консерватизм и реакцию, но вместе с тем представляется упрощением ограничение консерватизма стремлением к сохранению «статус кво» [9, с. 58–59].

Принимая во внимание многообразие политических сил, действующих и проявляющих себя в общественной жизни России, определим систему методов исследования консервативной идеологии и практики. Но возросший интерес к консервативной проблематике не привел еще к утверждению общетеоретических положений. Верным представляется суждение о том, что «...немаловажное место в политологии занимает выявление содержания используемых ею понятий и категорий. Их анализ ...можно рассматривать в качестве методологии» [1, с. 49].

Представляется необходимым определить основные принципы при исследовании феномена политического консерватизма:

1. Онтологическая основа консерватизма зиждется на философском обосновании ценности устоявшегося миропорядка с признанием естественности и необходимости эволюционных изменений. Основные начала (традиции, ценности, институты) по возможности должны сохраняться, а если изменяться, то без потрясений. Разум человека не всемогущ и потому не может сразу изменить весь мир. Основатели консерватизма (Э. Берк, Ж. де Местр и др.) и их последователи считали зло и несправедливость полностью неустранимыми, но подлежащими смягчению. В Европе до начала 80-х гг. XX в. в патерналистском государстве консерваторы видели основное благо, но при этом всегда осуждались тирания и деспотизм.

2. Системное понимание политического консерватизма возможно при последова-

тельном изучении конкретной ситуации и ее рефлексии.

3. Консерватизм основывается на важнейших составляющих: традиции, преемственности, стабильности, ценности достижения предков и устоявшегося мироустройства.

4. Необходимо видеть отличия между консерватизмом, охранительством и реакцией, но нелегко подчас развести первые два понятия. Нужно видеть разницу между правительственным и оппозиционным консерватизмом.

5. Консерватизм не вступает в противоречия с творчеством и нововведениями при условии постепенного эволюционного развития.

Отмеченные нами положения и составляют два основных метода используемой методологии: системный и сравнительно-исторический. Консерватизм вообще и политический в частности не есть одномоментные или временные явления. Внутренние источники консерватизма состоят в традициях, устоявшихся социальных ценностях и государственных институтах. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены, обеспечивая эволюцию консерватизма политического в зависимости от социальных условий определенного исторического этапа. Определяя в совокупности консерватизм как целостную социально-политическую доктрину, которая в ходе истории корректируется в соответствии с новыми реальностями, исследователь имеет возможность сравнительно-исторического анализа, основанного непосредственно на политической практике консерваторов прошлого и настоящего. Следует обратить внимание на проблему типологии российского консерватизма. В этом так же есть сложности. Они связаны со слабой работанностью этого вопроса и противоречивостью социально-политического процесса реформ в России.

В одной из первых публикаций позднего советского времени затрагивается узкий вопрос управленческой деятельности советской партийной номенклатуры, не способной преодолеть косности и вырождения [4]. Все изложенное ее автором верно и убедительно, но не имеет к консерватизму никакого отношения. И в более поздних публикациях заметно отклонение от правильного понимания онтологических основ консерватизма, как фило-

софского, так и социального и политического. Можно увидеть старорусский консерватизм, русско-советский консерватизм и собственно советский [3, с. 28–31]. Данная типология не выдерживает критики. Нет и не может быть советско-коммунистического консерватизма, поскольку консервативной природе чужды крайне радикальные убеждения, основанные на насилии, но прикрываемые идеями стремления к равенству и справедливости. Вместе с тем небезынтесным представляется суждение Д. Драгунского о неукорененных и ситуативных «ретрометаниях людей» (понимать как советских. – *К. Л.*), вследствие чего – и сталинист, и монархист, и большевик-радикал, и большевик-романтик могут относить себя к консерваторам [там же].

Здесь касательно и затрагивается одна из важнейших сложностей в идентификации консерватизма. Следует, однако, помнить, что в начале 90-х гг. XX в. выходило некоторое число публикаций, авторы которых подходили к данному вопросу поверхностно, не утруждая себя стремлением к глубокому научному проникновению. Весьма часто преобладал публицистический подход.

Консерватизму свойственно стремление к улавливанию многих тенденций социально-политического процесса и поиск средней равнодействующей в реализации несовпадающих интересов.

Любопытна типология консерватизма К. Росситера. Исследователь определяет консерватизм темперамента, ситуационный консерватизм, политический, философский [10, с. 52]. Следует отметить, что приведенная типология недостаточно совершенна в сравнении с другими вариантами. Более системной и полной представляется принятая западными политологами шкала, подразделяющая политический консерватизм на традиционный, ценностный и структурный. Вместе с тем типологий в науке много больше, так как в их основе заложена национально-государственная специфика в каждом отдельном случае. Справедливо отмечено, что типологизировать консерватизм сложно еще и потому, что «политическая философия консерватизма обладает определенной самостоятельностью по отношению к политическим программам консервативных партий, позициям политиков» [13,

с. 45]. Исходя из этой методологической посылки, можно избежать и эмпирической, и теоретической путаницы и разногласия, встречающихся и до настоящего времени.

В европейской науке в виде самой общей типологии определяется консерватизм традиционный, ценностный и структурный. Этот подход представляется универсальным и вполне приемлемым для российского консерватизма. Универсальность консервативного мышления очевидна для специалистов, хотя в реальной политике консерваторы нередко действуют более противоречиво, что объясняется их неизбежной зависимостью от демократической конкуренции политических сил в борьбе за электорат.

Традиционализм включает в себя основные ценностные основания – обычаи, веру, нравы. Рассматриваемый в контексте общественного и государственного развития, традиционализм выступает не только предтечей, но и качественной составляющей ценностного консерватизма. Происходит это тогда, когда главные традиционные устои получают идеологическое и политическое обоснование, опирающееся, в свою очередь, на форму государственности с определенными властными отношениями и законодательством.

В периоды социально-политических катаклизмов и трансформаций традиционные ценности переходят на уровень идеологии. Тогда консерватизм принимает характер идейно-политического течения и защищает сложившиеся исторически политические и социальные институты, а также принимает в сознании социальных слоев институционализированную форму. Так выделяется третий тип – структурный консерватизм.

Таким образом, консервативное разнообразие выступает в функционирующих частностях, но в онтологических основаниях в консервативном фундаменте противоречий нет.

В российской общественной и политической мысли прошлого консерваторы при всем их различии видели благо для своего отечества и в традиционных морально-этических, социальных ценностях, и в сложившихся государственных институтах.

В настоящее время основополагающие консервативные ценности, при всех исторических метаморфозах, имеют тенденцию к укреп-

лению и развитию. Объясняется это в наших условиях реакцией на неудавшийся либерально-радикальный реформизм 90-х гг. XX в. и связанные с ним неудачи в изменении постсоветского общества.

Исследователи ставят три основные проблемы в изучении консерватизма: 1) отношение его к рационализму; 2) отношение консерваторов к обществу и их критика либерализма и радикализма; 3) отношение консерватизма к революциям [8, с. 115].

Центральная идея философии консерватизма состоит в том, что «человеческий разум ограничен в своих возможностях восприятия общества в его тотальности, осознания смысла и цели социального процесса и определения места человека в этом процессе» [там же]. Не отрицая роли человеческого разума, консервативные мыслители видели в общественных процессах основную роль Провидения.

Древние отнюдь не считали политические институты результатом человеческого гения. Институты и ценности античного мира выкристаллизовывались в течение длительного периода. В Новое время Токвиль критически оценил роль французских просветителей-рационалистов, идейно подготовивших революцию. Он отмечает их приверженность мнению, «что на место многосложных и традиционных обычаев, правящих современным им обществом, следует поставить простые и элементарные правила, почерпнутые в разуме и естественном праве» [11, с. 158]. Моральные нормы, обычаи и традиции, по убеждению консерваторов, утверждаются не волей и разумом. Они есть результат длительного и выстраданного социального опыта.

Принципиальное значение для автора данной статьи имеет абсолютное неприятие всяческих вариантов использования категории «консерватизм» в контексте категории «революция», как-то – большевики-консерваторы, советский консерватизм и т. п. Консерватизм не приемлет революционный радикализм, поскольку он уничтожает традицию, преемственность и стабильность. И особенно в российской политической истории. Правильное понимание и ощущение консервативной онтологии не оставляют сомнений, что большевистский переворот привел страну к гибели и тоталитаризму. Онтология кон-

сервативного состоит в целостности и органичности восприятия всего многообразия форм социального бытия.

Видя все сложные переплетения идей консерватизма, исследователи рассматривают их эволюцию, степень преемственности во времени. Делается попытка (не первая и не последняя) осмысления органического и творческого в консервативной философии. Прослеживается во времени отношение консерваторов к свободе и человеческому знанию. Обращается внимание на восприятие взглядов Э. Берка его последователями. В частности, указывается и на противоречия самого исследовательского опыта, где Берку часто приписываются странные, не аргументированные взгляды [14, с. 100–101]. Далее В.И. Шамшуринов ставит вопросы, которые при системных исследованиях, опирающихся на историческую конкретику (а не только на абстрактное теоретизирование), дадут истинную картину консервативного феномена. На примере Э. Берка ярко показана вся масштабность и онтология консервативного мировоззрения, не стареющего во времени: отношение к революциям и другим формам социального радикализма; отношение к свободе и понимание ее пределов; ценность и значение социальных институтов; сущность и значение власти, собственности, самоуправления. Но вместе с тем остается довольно серьезное противоречие, проявляющееся в наличии «внутри идеологии консерватизма (нео-консерватизма) двух взаимоисключающих направлений. Согласно первому, идущему от Гоббса, изначально порочная натура человека должна быть сдерживаема сильной властью государства. Согласно второму (Берк), сильное государство не должно подавлять предприимчивость человека» [там же, с. 104].

В отечественной научной литературе с повышением интереса к идейно-политическим течениям в большей степени повезло Э. Берку. Так или иначе его имя редко не упоминается. Причины тому вполне понятны, если даже в Европе, несмотря на колоссальную работу исследователей XIX–XX вв., изыскания продолжают. Но универсальностью идей Э. Берка консерватизм конечно же не ограничивается. Многообразие их пополняется множеством оттенков и направлений, разработанных мыслителями и политиками Англии,

Франции, Германии и других стран и в прошлом, и в настоящем.

Представляют интерес материалы «круглого стола», проведенного по инициативе В.И. Шамшурина на страницах журнала «Социологические исследования» [6, с. 43–61]. Отмечается, что распространено обыденное понимание понятия «консерватизм». Вслед за Н. Бердяевым и С.Н. Булгаковым, В.И. Шамшурин говорит о полной не востребоваемости в XIX – начале XX в. консервативных идей – философских, социальных и экономических. По причине не востребоваемости властями независимых и глубоких консервативных идей, более пробивало себе дорогу «послушливое низкопоклонство» [там же, с. 43]. Важно отметить постановку Шамшуриным вопроса органической связи консерватизма и права, однако нам представляется сомнительным его обращение к Соборному Уложению 1649 года. Своевременно и справедливо говорится о том, что государство, власть и народ не являются источниками права, так как государство и власть сами по себе обусловлены правом. Шамшурин напоминает, что эта мысль разделялась многими российскими консерваторами – Е.Н. Трубецким, И.А. Ильиным, С.Л. Франком.

В.А. Гусев справедливо отмечает, что «для Ильина одинаково неприемлемы как абстрактный монархизм, так и абстрактный демократизм, впрочем, как и любая другая абстрактная политическая форма. С этих позиций политическое искусство состоит в способности к детальному анализу конкретной политической ситуации, и в этом суть консервативного отношения к политической реальности [2, с. 67].

Примечательна публикация Т.А. Филипповой. В ней в частности отмечается, что редко кто в европейской культурной традиции получал по праву звание «консерватор». Это Дизраэли и Бисмарк, Черчилль и Штраус, Тэтчер и Кольт. Консерватизм направлен на стабилизацию социального уклада, конструктивное сильное реформаторство, реализм оценок, опору на лучшие национальные традиции, умение пройти над пропастью радикального нетерпения и реакционного ожесточения [12, с. 49].

Л. Рейснер видит в радикализме и консерватизме симметрично контрастную пару – консерваторы на «правом» фланге, радикалы на «левом», отмечая, что «конфликт радикала

и консерватора может достигать большого напряжения... Но могут вполне ужиться и выяснить свои отношения в рамках определенного строя и конституционного порядка, играя попеременно роли правящей и оппозиционной группировки, появляясь на флангах политических и общественных организаций» [9, с. 58].

Революционеры и радикалы стремятся разрешать проблемы путем подавления и уничтожения противостоящей стороны, используя самые радикальные методы, ломая сложившиеся формы государственного и социального бытия, часто отрицая утвердившиеся ценности и традиции, прерывая преемственность развития, нарушая связи и отношения.

Консерваторы – как правило, выступают противниками крайних мер, культа воли, насилия, разрушения связей, преемственности и традиции. Они отстаивают постепенное, эволюционное изменение социально-политических отношений, стремятся к снятию напряжения, достижению устойчивости развития и баланса направляющих сил.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу – в периодической научной печати 90-х гг. XX в. исследователи, приступившие к специализированному изучению консерватизма, поставили ряд общих и частных вопросов его определения, типологии и функционирования. Постепенно преодолевалось ангажированное, спекулятивное и тенденциозное понимание консерватизма и его роли в политической жизни. В современной научной литературе круг вопросов заметно расширился. Вместе с тем остается непреодоленной проблема идентификации консерватизма. Эта проблема будет разрешена, если не забывать онтологических основ консерватизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев, К. С. Методологические принципы политологии / К. С. Гаджиев // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1994. – № 3. – С. 49–62.
2. Гусев, В. А. Консервативная политология Ивана Ильина / В. А. Гусев // Социологические исследования. – 1994. – № 1. – С. 64–69.
3. Драгунский, Д. Состоится ли в СССР партия порядка? / Д. Драгунский // XX век и мир. – 1991. – № 4. – С. 28–31.

4. Ионин, Л. Г. Консервативный синдром / Л. Г. Ионин // Социологические исследования. – 1987. – № 5. – С. 19–30.
5. Каменев, Ю. Что такое либерал и консерватор / Ю. Каменев. – СПб. : Молот, 1906. – 110 с.
6. Консерватизм в России : «круглый стол» // Социологические исследования. – 1993. – № 1. – С. 43–61.
7. Лотарев, К. А. Политический консерватизм в процессе реформирования российского общества: история и современные проблемы : автореф. дис. ... канд. полит. наук / К. А. Лотарев. – М., 1995. – 24 с.
8. Мигранян, А. М. Переосмысливая консерватизм / А. М. Мигранян // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 114–122.
9. Рейснер, Л. От флангов к центру / Л. Рейснер // Новое время. – 1994. – № 13. – С. 57–59.
10. Росситер, К. Консерватизм / К. Росситер // Век XX и мир. – 1991. – № 5. – С. 50–55.
11. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль. – М. : Наука, 1986. – 250 с.
12. Филиппова, Т. А. Мудрость без рефлексии. Консерватизм в политической жизни России / Т. А. Филиппова // Кентавр. – 1993. – № 6. – С. 49–60.
13. Френкин, А. А. Западногерманские консерваторы: кто они? / А. А. Френкин. – М. : Международ. отношения, 1990. – 216 с.
14. Шамшурин, В. И. Учение Э. Берка о человеке и обществе. Идеи истоки неоконсерватизма / В. И. Шамшурин // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 100–114.

IDENTIFYING CONSERVATISM IN CONTEMPORARY RUSSIA

K.A. Lotarev

The demand for conservative ideology is becoming noticeable these days. At the same time conservatism is broader than just an ideology and can be identified in terms of worldview or political philosophy. In the situation of social and political upheavals conservatism is taking shape of theory and ideology. After socialism and the collapse of the liberal project of the 1990s, the conservative ideology seems to be on the agenda in contemporary Russia.

Key words: conservatism, ideology, worldview, radicalism, identity, revolution, traditions and foundations.